

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по запросу Тракторозаводского районного суда города Челябинска о проверке конституционности части второй статьи 35 и части второй статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

11 апреля 2019 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю.М.Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса Тракторозаводского районного суда города Челябинска,

у с т а н о в и л :

1. Часть вторая статьи 162 УК Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Согласно же части второй статьи 35 данного Кодекса преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления.

В производстве Тракторозаводского районного суда города Челябинска находится уголовное дело по обвинению граждан С. и Т. в совершении преступлений, в том числе предусмотренного частью третьей статьи 162 УК Российской Федерации, а именно разбоя (т.е. нападения в целях хищения чужого имущества), совершенного группой лиц по предварительному сговору с угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья, с применением предметов, используемых в качестве оружия, и с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище.

Согласно предъявленному обвинению, С., Т. и не установленное следствием третье лицо вступили в предварительный сговор на совершение тайного хищения чужого имущества (кражи). Реализуя совместный умысел, они прибыли к огороженной территории общества с ограниченной ответственностью, где Т. остался наблюдать за окружающей обстановкой, чтобы предупредить соучастников об опасности при появлении посторонних. Проникнув на территорию, С. и третий соучастник стали выносить медные шины, но были обнаружены сотрудником общества И., который потребовал прекратить противоправные действия. Не установленный следствием соучастник с целью устрашения и преодоления возможного сопротивления со стороны И. направил на него многозарядный пневматический газобаллонный пистолет, приказал поднять руки и не двигаться, угрожая применением насилия. После этого соучастники завладели медными шинами (стоимостью 225 225 рублей 74 копейки) и скрылись с похищенным имуществом, в дальнейшем распорядившись им по своему усмотрению.

Рассмотрев материалы уголовного дела, Тракторозаводский районный суд города Челябинска принял решение о направлении запроса в Конституционный Суд Российской Федерации и производство по делу приостановил.

В своем запросе заявитель просит проверить, соответствуют ли статье 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации часть вторая статьи 35 и часть вторая статьи 162 УК Российской Федерации постольку, поскольку на их основании решается вопрос об уголовной ответственности за разбой,

совершенный группой лиц по предварительному сговору (несмотря на то что обвинение С. и Т. в разбое предъявлено по части третьей статьи 162 данного Кодекса, названный квалифицирующий признак предусмотрен ее частью второй, которая и выступает предметом обращения). Как указывает заявитель, эти нормы по смыслу, придаваемому им официальным толкованием и сложившейся правоприменительной практикой, устанавливаются для лиц, предварительно договорившихся о совершении кражи, иные (различные) условия уголовной ответственности в случае, если один из соисполнителей вышел за пределы совместного умысла и совершил действия, подлежащие правовой оценке в качестве разбоя, а другие члены группы продолжили свое участие в преступлении, используя примененное соисполнителем насилие либо угрозу его применения для завладения имуществом или удержания имущества.

2. Законодатель, реализуя предоставленные ему Конституцией Российской Федерации (статья 71, пункты «в», «о») полномочия в сфере регулирования и защиты права собственности и связанных с ним отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом, предусматривает – исходя из конституционно признаваемых целей и принимая во внимание вытекающие из Конституции Российской Федерации требования разумности и соразмерности – способы охраны собственности, в том числе от преступных посягательств, конструируя в Уголовном кодексе Российской Федерации составы преступлений, объектом уголовно-правовой охраны от которых выступает собственность.

Опираясь на положения Конституции Российской Федерации, включая ее статью 19, провозглашающую принцип равенства, и статью 54 (часть 2), запрещающую возлагать ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением, законодатель установил в статье 3 УК Российской Федерации, что преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только данным Кодексом, а применение уголовного закона по аналогии недопустимо. Данные нормы позволяют гражданам осознавать сущность

уголовно-правовых запретов и предвидеть наступление ответственности за их нарушение, притом что в силу принципа вины лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина; объективное вменение, т.е. уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается (статья 5 УК Российской Федерации).

Таким образом, закрепление в уголовном законе составов преступлений против собственности хотя и относится к дискреции законодателя, но должно осуществляться им с соблюдением принципов вины, равенства, справедливости и правовой определенности, с тем чтобы содержание уголовно-правовых запретов одинаково воспринималось в правоприменительной практике и было доступно для понимания участникам конкретных общественных отношений, а сами запреты служили эффективной защите права собственности.

2.1. Согласно статье 8 УК Российской Федерации основанием уголовной ответственности выступает совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного данным Кодексом.

Общие же признаки преступлений, совершаемых в соучастии, закреплены в нормах главы 7 данного Кодекса, определяющих соучастие в преступлении как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления (статья 32) и, в частности, признающих преступление совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления (часть вторая статьи 35). Тем самым для признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору необходимо установить соответствующие объективные и субъективные признаки, проявляющиеся в том числе в совместных действиях, умысел на совершение которых (сговор) возник заранее, до выполнения самого преступного деяния.

Имея в виду принцип вины, законодатель дополнительно конкретизировал в статье 36 данного Кодекса правовые последствия эксцесса исполнителя, которым считается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников: за эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат.

Приведенные положения Общей части УК Российской Федерации, принадлежащие уголовно-правовому институту соучастия в преступлении, подлежат применению на основе исследуемых судом фактических обстоятельств конкретных дел о групповых преступлениях, запрещенных нормами Особенной его части.

2.2. Принимая решение о криминализации деяния, законодатель обязан учитывать типовую оценку его общественной опасности и, если отдельные признаки преступления свидетельствуют о том, что степень его общественной опасности существенно изменяется по сравнению с типовой оценкой, провести – в силу принципа справедливости – дифференциацию уголовной ответственности, с тем, однако, чтобы при этом не нарушались принципы равенства и правовой определенности (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2018 года № 17-П).

Закрепляя в главе 21 УК Российской Федерации составы преступлений против собственности, законодатель отнес к ним разбой, т.е., согласно части первой статьи 162 данного Кодекса, нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Дифференцируя (усиливая) ответственность в части второй той же статьи за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, он не вышел за пределы своих дискреционных полномочий, а, напротив, учел повышенную общественную опасность разбоя вследствие изменения способа совершения этого преступления и его субъектного состава.

Вместе с тем, рассматриваемый во взаимосвязи с положениями статей 5, 8, 25, 32, 35 и пункта 1 примечаний к статье 158 УК Российской Федерации, квалифицирующий признак разбоя в виде его совершения группой лиц по предварительному сговору, предусмотренный частью второй статьи 162 данного Кодекса, может устанавливаться судом и влечь более строгую уголовную ответственность (служить средством дифференциации ответственности) лишь при совершении этого деяния лицами, заранее договорившимися о совместном совершении преступления и действовавшими с прямым умыслом, направленным на противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинение ущерба собственнику или иному владельцу этого имущества.

В постановлении от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что в тех случаях, когда группа лиц предварительно договорилась о совершении кражи чужого имущества, но кто-либо из соисполнителей вышел за пределы состоявшегося сговора, совершив действия, подлежащие правовой оценке как грабеж или разбой, содеянное им следует квалифицировать по соответствующим пунктам и частям статей 161 и 162 УК Российской Федерации; если другие члены преступной группы продолжили свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным соисполнителем насильем либо угрозой его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, они также несут уголовную ответственность за грабеж или разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками (абзац второй пункта 14¹). Эти разъяснения не ограничивают применение общих положений об эксцессе исполнителя, содержащихся в статье 36 данного Кодекса.

Тем самым часть вторая статьи 162 УК Российской Федерации – с учетом ее места в системе уголовно-правового регулирования и по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, – предполагает оценку

деяния как разбоя лишь для тех соучастников, кто применил физическое или психическое насилие либо воспользовался им для хищения чужого имущества, т.е. осознавал факт насилия и факт посягательства не на один объект (собственность), а на два или более объекта уголовно-правовой охраны (собственность, жизнь, здоровье). Те же участники группы лиц по предварительному сговору, которые продолжили участие в изъятии либо удержании чужого имущества, не осознавая изменение способа хищения при эксцессе других исполнителей, должны нести ответственность исходя из тех признаков преступления, которые охватывались их умыслом.

Следовательно, часть вторая статьи 35 и часть вторая статьи 162 УК Российской Федерации призваны обеспечивать дифференциацию уголовной ответственности и назначение лицу справедливого наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, лишь за те общественно опасные действия и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Поскольку, таким образом, отсутствует неопределенность в вопросе о соответствии этих норм Конституции Российской Федерации в аспекте, обозначенном в запросе Тракторозаводского районного суда города Челябинска, данный запрос не может быть принят Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению запроса Тракторозаводского районного суда города Челябинска, поскольку он не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми такого рода обращения в Конституционный Суд Российской Федерации признаются допустимыми.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

№ 862-О

В.Д.Зорькин